

УДК 81-23

doi: 10.18101/1994-0866-2016-5-112-120

**ПОВТОР КАК ХЕЗИТАЦИОННОЕ ЯВЛЕНИЕ В РЕЧИ КИТАЙЦЕВ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**© *Чэн Чэнь*

аспирант кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: honey.susanna.91@mail.ru

Статья посвящена описанию повтора как разновидности хезитационных явлений в устной речи китайцев на русском языке. Внимание сосредоточено на повторе-хезитации, который является неизбежным элементом спонтанного монолога. Материалом для исследования стали 70 текстов, записанных от 10 испытуемых — носителей китайского языка (5 мужчин и 5 женщин одного — студенческого — возраста, с разным психотипом и различным уровнем владения русским языком): чтение и пересказ текста (сюжетного и несюжетного), описание изображения (также сюжетного и несюжетного) и свободный рассказ на тему «Как вы проводите свободное время на каникулах?»

Ключевые слова: русская спонтанная речь, звуковой корпус, сбалансированная аннотированная текстовая база, хезитационное явление, повтор, повтор-хезитация, русский язык как иностранный.

В современной лингвистике неизменно сохраняется и даже усиливается интерес к устной, в том числе неподготовленной, спонтанной, форме речи. При этом, будучи наиболее разнообразным по форме представления и широко распространенным видом речевой деятельности человека, спонтанная речь по сей день остается все же недостаточно изученной. Одной из характерных особенностей спонтанной устной речи (как непринужденной, разговорной, так и более официальной), отражающей ее сиюминутность, творческий характер, являются разного рода хезитационные явления [6, с. 144]. К числу таких явлений относятся и разнообразные непреднамеренные полные или частичные повторы слова, словосочетания, конструкции, например, *мне нравятся передачи передачи о животных* [2, с. 159].

Повторы относятся к области исключительно устной речи, под ними понимают «внутрифразовые абсолютные лексические повторы, функционально неоднородные, обусловленные устным характером речепроизводства» [6, с. 172]. В коллективной монографии петербургских исследователей на основе анализа 500 повторов (абсолютных лексических тождеств слова и его антецедента — повторяемого слова), обнаруженных в текстах общей длительностью звучания 9 часов, была построена следующая классификация повторов: 1) повтор-хезитация (П-Х); 2) повтор-подчеркивание, или актуализатор; 3) повтор-пауза; 4) разнонаправленный повтор-связка [6, с. 173].

Интерес для нас представляет первый тип — *повтор-хезитация*. «Повтор может возникнуть (подобно паузе хезитации) как результат колебания

в выборе последующей лексической единицы или семантико-синтаксической конструкции и, сознательно используемый говорящим, в устной речи служит текстообразующим и стилистическим средством» [2, с. 174; см. также: 3; 1; 4]. Функционально П-Х, таким образом, может быть приравнен к *паузе хезитации* (ПХ): он часто используется говорящим в момент речевого колебания, связанного с выбором подходящего лексического наполнения заранее созданной синтаксической структуры. Основное отличие П-Х от ПХ — это повторение лексемы или речевого фрагмента целиком, а не отрезков слова или каких-либо нечленораздельных звуков. Как правило, П-Х не несет никакой дополнительной семантической нагрузки, а, напротив, коммуникативно избыточен [2, с. 170, 176].

Настоящее исследование показало, что таких повторов-хезитаций в русской речи носителей китайского языка довольно много, они выполняют в устном монологе различные функции (отнюдь не только заполнение паузы хезитации) и, несомненно, заслуживают отдельного пристального внимания.

Материалом для анализа стали спонтанные монологи 4 типов: чтение и пересказ прочитанного текста, описание изображения и свободный рассказ на заданную тему. Монологи были записаны от 10 информантов, носителей китайского языка (5 мужчин и 5 женщин примерно одного возраста: 23-25 лет), достаточно хорошо говорящих по-русски (2 и 3 уровень ТРКИ, по данным тестирования, которое проводится в СПбГУ централизованно для всех иностранных учащихся).

Все информанты перед записью заполнили социологическую анкету и прошли психологический тест Г. Айзенка на китайском языке (<http://types.yuzeli.com/survey/epq85>), что позволило разделить их на несколько групп с учетом психотипа: интроверты (И), экстраверты (Э), амбиверты (А) [8]. Этот материал стал частью сбалансированной аннотированной текстотеки (САТ) — одного из блоков Звукового корпуса русского языка, создаваемого на филологическом факультете СПбГУ [2]. Во всех случаях, кроме свободного рассказа, исходными стимулами для порождения монолога были два разных предтекста/изображения — сюжетный и несюжетный, что открывает дополнительные возможности для анализа материала, который в результате может производиться с учетом не только различных характеристик информантов (социо- и психолингвистический аспект), но и характеристик самого материала (собственно лингвистический аспект).

Все звучащие тексты были подвергнуты слуховому анализу, расшифрованы и представлены в псевдоорфографическом виде без знаков препинания, но с детальной интонационной разметкой. В процессе расшифровки особое внимание было уделено хезитационным явлениям: отмечались все типы пауз, перебивы, неречевые звуки (*н-н, ы-н, н* и т. п.), разного рода ошибки и *повторы*, анализ которых и стал предметом нашего исследования.

Нами принимается актуальное для интерферированной речи разграничение *повтора без коррекции* и *повтора с коррекцией*. В последнем случае функция хезитации, очевидная для повтора в спонтанной речи, дополняется еще и функцией коррекции ошибки, которую говорящий заметил в своей

речи и попытался исправить. В других терминах здесь можно говорить о двух типах *операций отмены*, которые использует говорящий после «точки сбоя»: *нулевая отмена* (повтор без изменения) и *частичная отмена* (повторение элементов звуковой последовательности с какими-либо изменениями) [5; 2, с. 428].

В ходе контекстного анализа фиксируются и многие другие особенности спонтанной речи китайцев на неродном языке.

1. Повтор без коррекции

Повторы без коррекции, или операции *нулевой отмены*, чаще всего свидетельствуют об общей хезитационной заминке говорящего, вызванной разными причинами. Тщательный анализ материала позволяет в какой-то степени систематизировать эти причины. Например:

1) / н-н [*каждая суббо-та*] *ы-н* [*каждая суббота*] / *мне надо стирать* [*ы-н*] *стирать* комнату (И4, жен., 3 ур., И, рассказ)*.

В небольшом контексте (1) можно видеть сразу два повтора без коррекции (П¹ и П²; здесь и далее в примерах выделены шрифтом). Можно предположить, что в обоих случаях говорящий почувствовал ошибку, усомнился в правильности произнесенных единиц: грамматической в П¹ (*каждая суббота* / *мне надо*) и семантической — в П² (*стирать* комнату). О колебаниях информанта свидетельствуют и многочисленные физические ПХ (*л*) и неречевые заполнители ПХ (*ы-н*). Правильные варианты говорящим так и не были найдены, и он ограничился повтором не удовлетворивших его фрагментов (осуществил операцию нулевой отмены). Видно также, что таким фрагментом может быть как отдельное слово (*стирать*), так и словосочетание (*каждая суббота*). Такого же типа (как реакция на ошибку) повтор предлога (П¹) наблюдается и в примере (2):

2) *на во...* [*на воскресенье*] *и он купил* [*та-кую*] [*такую*] *красивую рубашку* (И2, муж., 3 ур., И, пересказ сюж.).

Повтор П² в этом контексте (*такую*), по-видимому, чисто хезитационный. Такие же П-Х, функционально ничем более не «отягощенные», можно видеть и в примерах (3), (4):

3) *выбрал* *ы-н* [*выбрал*] *такую не... небесного цвета* / *с двумя пристежными-и воротниками* (И4, жен., 3 ур., И, чтение сюж.);

4) *температура повеша...* *повешалась* [*н-н уже начинается*] [*начинается*] *весна* [*н-н*] (И2, муж., 3 ур., И, пересказ несюж.).

Несколько иная картина в контексте (5):

5) *вечером суббота* *н* *я часто смотрю* [*смотр...*] [*я часто смотрю*] *н-н фильм* / *ы* *через Интернет* / *и* *в воскресенье* / *н-н* [*я часто делаю домашнее задание* *и-и* *немножко* / *ы-н*] [*и* *и* *немножко* / *н* *стираю одежду* / *и-и*] [*ы-н мою бельё*] (И5, муж., 2 ур., А, рассказ).

Здесь можно видеть три разных повтора: предикативного фрагмента в П¹ (*я часто смотрю*), союза в П² (*и*) и отдельного слова в П³ (*немножко*). Причины их на этот раз, по-видимому, различны. В случае П¹ говорящий просто хезитирует, подбирая продолжение речи; причиной повторов П² и П³, равно как и других хезитационных явлений (ХЯ) на этом отрезке речи

(и-и, ы-н //), можно считать своего рода «предвосхищением» ошибки: говорящий не уверен в правильности глагола *стирать* в сочетании с существительным *одежду* — глагола, который он только еще собирается произнести, и заранее колеблется, обдумывая этот выбор. В результате, употребив правильный глагол *стираю (одежду)* и еще поколебавшись, говорящий все же добавляет неправильный вариант: *мою (белье)*. Очевидно, что такого рода сомнения и «антикоррекции» возможны почти исключительно в речи на неродном языке (это весьма распространенное явление неправильного исправления китайцами своих речевых ошибок — предмет специальной статьи). Еще одну ошибку в этом контексте (*вечером суббота*) говорящий оставляет практически без внимания, хотя, судя по наличию ХЯ (н) сразу после упомянутого фрагмента, все же замечает. Наблюдения показали, что при большом в целом количестве ошибок разного типа говорящие на неродном языке замечают и тем более исправляют далеко не все свои речевые погрешности. Впрочем анализ материала неподготовленного чтения носителей русского языка показал, что доля ошибок, не замеченных говорящими или замеченных, но не исправленных, также превышает количество исправленных: 50,0 + 9,0% vs. 41,0%, по данным одного эксперимента (информанты — студенты, филологи и нефилологи) [4], и 46,8 + 16,6% vs. 36,4%, по данным другого (информанты — только студенты-филологи) [7; 2, с. 189].

Сходная ситуация («предвосхищение» ошибки) наблюдается и в примере (6): повтор словоформы *у него* (П¹) вызван тем, что говорящий не уверен, какую форму слова *волосы* следует употребить далее, в результате две его попытки найти правильный вариант (*у него / нет [воло-сы [волосОв]*) оказались неудачными:

6) о... один мужчина / э-ы [у него [у него / нет [воло-сы [волосОв / н-н // э-ы это-о [очень // э-н // г... [э-ы [э-ы [ему очень грустно (И1, жен., 2 ур., Э, описание сюж.).

Повтор П² в этом контексте (*очень*) снова чисто хезитационный: не сумев подобрать продолжение для начатой конструкции *это очень...* (судя по обрыву *г...*, одним из вариантов такого продолжения предполагалось слово *грустно*), говорящий заменяет ее на более знакомую — *ему очень грустно*. Цепочка ХЯ между повтором и его антецедентом оказалась довольно длинной и разнообразной: // э-н // г... [э-ы [э-ы [

7) у не... у него на голове / **растили расти-или** [н-н [**краткие** / **краткие** волосы (И2, муж., 3 ур., И, описание сюж.).

В примере (7) оба повтора вызваны, как можно предположить, реакцией на ошибочный выбор слов: *растили* вм. *росли* и *краткие* вм. *короткие* (*волосы*). О том, что эти ошибки замечены говорящим, кроме факта повтора, свидетельствуют и другие ХЯ: растяжка гласного в *расти-или*, троекратная ПХ (л) и неречевые звуки (н-н).

8) **на берега** [**на берега** [озера... озера [и [н-н [смотрела [н-н [смотрели на-а это // крас... **красивый пейзаж** [красивый пейзаж и м-м [м // н-н // пейзаж (И1, жен., 2 ур., Э, описание несюж.).

Контекст примера (8) просто изобилует повторами (П¹–П⁴), как отдельной словоформы (*на берега, озера*), так и словосочетания (*красивый пейзаж*); помимо полного повтора присутствует и частичный (*красивый пейзаж — пейзаж*). Весь фрагмент наполнен также различными ХЯ, что лишний раз подтверждает колебания говорящего. П¹ (*на берега*) можно расценить как реакцию говорящего на ошибочную грамматическую форму данного слова (правильно — *на берегу*), все прочие повторы — чисто хезитационные, поскольку описать несюжетное изображение трудно даже носителям языка [2].

В ряде случаев повтор сопровождается коррекцией ошибки в другом элементе монолога (в примерах подчеркнуты), ср.:

9) *в н картинки / **мы можем** [ы-н [видел [мы можем видеть ы-н [золотистые [н-н [и-и [н-н [тёплые [и с серые н [краски ы-н природы* (И5, муж., 2 ур., А, описание несюж.);

10) *он считает что / ы-н **многие-е** чдо... **многие** другие люди [ы-н **хватились за эту рубаху*** (И5, муж., 2 ур., А, пересказ сюж.).

Порой повтор можно расценить как реакцию на употребление (обычно — прочтение, в том числе правильное) слова или словоформы, малознакомых или совсем незнакомых говорящему:

11) *Зоцёнко / рубашка **фантази** [фантази в п... в-в прошлую субботу после службы / **заскочил я в магазин*** (И2, муж., 3 ур., И, чтение сюж);

12) *кое-где последние из них / выделяясь белыми [**пятными-ка-ми** [**пятнышками** [на поёмных [лугах стояла вода / широким [лиманами* (И8, муж., 3 ур., А, чтение несюж.);

13) *на поёмных лугах стояла воды [широким [лиманами / белые облачка / **отражаясь** [отражаясь в и... в них* (И5, муж., 2 ур., А, чтение несюж.).

В примере (12) малознакомое слово *пятнышками* информант первый раз прочитывает с элементами скандирования (по слогам) и лишь затем повторяет полностью.

Видно, что П-Х без коррекции (операции нулевой отмены) встречаются во всех типах монологов и в речи всех информантов-китайцев: как мужчин, так и женщин, хуже или лучше владеющих русским языком, представителей любого психотипа.

2. Повтор с коррекцией

Повторы с коррекцией, или операции *частичной отмены*, являются способом «выхода» говорящего из хезитационной заминки и могут быть дополнительно охарактеризованы как *on-line* или *off-line* коррекции, с одной стороны, а также как коррекции правильные и неправильные («антикоррекции») — с другой. *Off-line* коррекции, при которых человек договаривает связный фрагмент до конца и лишь после этого исправляет сделанную ошибку, встречаются в русской речи китайцев существенно реже, чем *on-line* коррекции (повтор с исправлением следует сразу после ошибки), см. примеры (14)–(16):

14) *сначала ко мне приехали **моё** [э-ы [в Россию **мои-и** [родители* (И2, муж., 3 ур., И, описание несюж.);

15) он хотел ы-н чистить // ы-н он хотел простирнуть / ы-н / рубаху / поэтому он побежал к **прачку** / и-и / на другой день / ы-н / герой / рассказа / ы-н / подошёл к **прачке** (И5, муж., 2 ур., А, пересказ сюж.);

16) вселю... / все люди / очень рад... радостные / и-и праз... праздновали / **свои** праздник / ы отмечали / **свои** / **свой** / праздник (И6, жен., 2 ур., И, пересказ несюж.).

Во всех приведенных контекстах повтор отделяет от антецедента не только какая-то содержательная часть текста (*в Россию; на другой день <...> герой / рассказа <...> подошёл; отмечали*), но и многочисленные другие ХЯ, что свидетельствует об общих затруднениях говорящего при порождении спонтанного текста на неродном языке. Коррекция в обоих случаях при этом сделана верно. В примере (16) оба типа коррекции (*off-line* и *on-line*) представлены в одном фрагменте: сначала говорящий дистантно повторяет ошибочную форму (**свои** праздник) и затем уже в режиме *on-line* повторяет ее с верным исправлением: **свои** / **свой** / праздник.

Очень распространены в материале исследования примеры повторов с *on-line* коррекцией, как правильной, так и неправильной. Так, правильное исправление в ходе П-Х можно видеть в контекстах (17)–(23):

17) в Пекине / с... с друзьями мы вместе / а ы-н / путешествовали / в / **по Пекин** / **по Пекину** / и-и смотреть несколько достопримечательностей (И2, муж., 3 ур., И, рассказ);

18) вдруг он / ы-н с... он **проснула** **проснулся** / и заметил что у себя / уже ы / есть волосы но короткие (И6, жен., 2 ур., И, описание сюж.);

19) она **говорил** / **говорила** что / это обыкновенно / новые рубашки / э-ы / теперь / по... **завсегда** садятся (И1, жен., 2 ур., Э, пересказ сюж.);

20) человек и человек... / и человек / **вернул** домой и заметил **это** / **эту** рубашку / н-н уже / **меньше** / (И10, муж., 3 ур., Э, чтение сюж.);

21) **подобно** льдинами / **подобно** льдинам **временами** пробежала от ветра лёгкая рябь (И5, муж., 2 ур., А, чтение несюж.).

22) мне бухгалтер / **модру** / **а-а морду** / н-н / грозил набить / а я тут при чём / ах **чёрт** (И3, жен., 2 ур., И, чтение сюж.);

23) земля **как будто** / **как будто** **вздыхала** / и что-то подымалось от неё к небу (И5, муж., 2 ур., А, чтение несюж.).

Практически во всех примерах в ходе повтора правильная форма (чаще всего отдельная словоформа) отделяется от неправильной небольшой физической ПХ: говорящий замечает сделанную ошибку и тут же ее исправляет; срабатывает «главное правило прерывания», согласно которому говорящий стремится «остановить поток речи сразу после обнаружения проблемы, пусть даже посередине слова» [9, с. 478–482].

Тройной повтор с коррекцией видим в контексте (24):

24) там есть мос... / а мост **а-а** такой а который произведены **из ка-мена** / **из камен** **из камня** / и-и ы справа / а не / н слева / **дерево** там / н-н н-н / есть н / что-то мен... **метальные** / **метальные** / ы-н т... ы-н / н **монумент** (И6, жен., 2 ур., И, описание несюж.).

В режиме *on-line* говорящий все же добивается реализации правильной формы (*из камня*), не замечая при этом других грамматических погрешностей своей речи (*мост <...> который произведены <...> из камня*).

Разные варианты «антикоррекции» представлены в контекстах (25)–(27):

25) *там мы остались всего два дня / и-и н-н [н погуляла ву-у музее / ву-у Красной Красную площадь* (И6, жен., 2 ур., И, рассказ) (одна неправильная форма исправлена на другую, столь же неправильную, правильная так и не найдена);

26) *существуют / м-м [красивое озеро / м-м [и [м-м [красивый озеро* (И1, жен., 2 ур., Э, описание несюж.) (правильная форма словосочетания исправлена на неправильную, чего говорящий уже не замечает);

27) *ы-н парень ы-н [пареням [приходится наде-еть [ы эту-у [рубашу [и сверху* (И6, жен., 2 ур., И, пересказ сюж.).

В контексте (27) ошибочная форма им. п. *парень* в конструкции *парень приходится* исправляется в ходе повтора-хезитации на требуемую форму дат. п., но при этом используется ошибочный облик данного слова — *пареням*. Новую ошибку говорящий, по-видимому, не замечает, а если и замечает (см. ПХ после неправильной формы), то оставляет без коррекции.

Проведенное исследование показало, что повтор как ХЯ представляет собой неотъемлемую характеристику устной спонтанной речи, в том числе на неродном языке, может возникнуть в любом месте высказывания и причины его возникновения могут быть различны.

Помимо чистого П-Х, свидетельствующего об общих трудностях говорящего в спонтанном речепорождении, особенно в рамках таких трудных коммуникативных сценариев, какими являются пересказ или описание несюжетного изображения, на материале исследования были выявлены еще некоторые функциональные разновидности П-Х: повтор как «предвосхищение» ошибки (в этом случае П-Х возникает порой задолго до единицы, в выборе которой говорящий сомневается), повтор как реакция на сделанную ошибку, с коррекцией или без нее, повтор как сопровождение коррекции в другом элементе речевого фрагмента или реакция на незнакомое или мало знакомое слово (как правило, при чтении текста).

Повторяться может как отдельное слово (в том числе служебное) или словоформа, так и словосочетание или целая предикативная единица. В случае словосочетания повтор может быть полным или частичным (*красивый пейзаж — пейзаж*). Ошибка, вызвавшая повтор в речи китайцев, чаще всего грамматическая (*к прачку — к прачке, мы можем <...> видел — мы можем видеть, подобно льдинами — подобно льдинам*), реже фонетическая (*модру — морду, как будно — как будто*), лексическая (*многие-е чло... — многие другие люди*) или семантическая (*стирать комнату, растили краткие волосы*).

П-Х были выявлены во всех типах монолога и в речи всех информантов. Многие из них связаны с тем, что речь осуществляется на неродном языке, хотя нет никакого сомнения, что подобные ХЯ присущи любой спонтанной

речи и вызывают большой интерес для исследований в области коллоквиалистики.

* Все примеры в статье атрибутированы: в скобках после контекста указан номер информанта (И1, И2 и т. д.), его пол, уровень ТРКИ (2 или 3), психотип (И, Э, А), а также тип текста (чтение, пересказ, описание, рассказ).

Литература

1. Бондаренко Л. П. Пауза колебания и порождение высказывания // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. Вып. 1. С. 158–166.
2. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание. СПб., 2013. 532 с.
3. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. 240 с.
4. Сапунова Е. М. Неподготовленное чтение как вид речевой деятельности и тип устного спонтанного монолога (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 237 с.
5. Филиппова Н. С. Принципы построения устного описательного дискурса (на материале русской спонтанной речи): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 220 с.
6. Фонетика спонтанной речи / под ред. Н. Д. Светозаровой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 243 с.
7. Хан Н. А. Устные спонтанные монологи разного типа в коммуникативно-дискурсивном аспекте (на материале Звукового корпуса русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 277 с.
8. Чэн Ч. Русская спонтанная речь на неродном языке: анализ хезитаций (на материале русской речи китайцев) // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2016а. № 1(33). С. 53–62.
9. Levelt W. J. M. Speaking: from Intention to Articulation. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989. 547 p.

REPETITION AS A HESITATION PHENOMENON IN THE RUSSIAN SPEECH OF THE CHINESE

Cheng Chen

Research Assistant, Department of the Russian Language, St Petersburg State University
11 Universitetskaya Embankment, St Petersburg 199034, Russia

The article describes repetition as a kind of hesitation phenomena in oral Russian speech of the Chinese. The attention is focused on repetition as hesitation, which is the inevitable element of spontaneous monologue. The material for the study include 70 texts recorded from 10 Chinese language speakers (5 men and 5 women of student age with different psychological types and levels of Russian language proficiency), reading and retelling of a text (narrative and non-narrative), description

of a picture (narrative and non-narrative) and free story on the topic «How do you spend your free time on vacation?»

Keywords: Russian spontaneous speech, sound corpus, balanced annotated catalogue of texts, repetition, repetition as hesitation, Russian as a foreign language.

References

1. Bondarenko L. P. Pauza kolebaniya i porozhdenie vyskazyvaniya [Pause of Hesitation and Utterance Formation]. *Ekspperimental'no-foneticheskii analiz rechi: problemy i metody — Experimental and Phonetic Speech Analysis: Problems and Methods. V. 1.* Leningrad: Leningrad State University Publ., 1984. Pp. 158–166.
2. *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi: kollektivnaya monografiya. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisaniye* [Speech Corpus as a Material for Analysis of the Russian Language. Part 1. Reading. Retelling. Description. St. Petersburg: Philology Faculty of St. Petersburg State University Publ., 2013. 532 p.
3. *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian Colloquial Speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 240 p.
4. Sapunova E. M. *Nepodgotovlennoe chtenie kak vid rechevoi deyatel'nosti i tip ustnogo spontannogo monologa (na materiale russkogo yazyka): dis. ... kand. filol. nauk* [Unprepared Reading as a Kind of Verbal Activity and a Type of Oral Spontaneous Monologue (on the material of the Russian language). Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2009. 237 p.
5. Filippova N. S. *Printsipy postroeniya ustnogo opisatel'nogo diskursa (na materiale russkoi spontannoi rechi). Dis. ... kand. filol. nauk* [The Principles of Oral Narrative Discourse Construction (on the material of Russian spontaneous speech). Cand. philol. sci. diss.]. St Petersburg, 2010. 220 p.
6. *Fonetika spontannoi rechi* [Phonetics of Spontaneous Speech]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1988. 243 p.
7. Khan N. A. *Ustnye spontannye monologi raznogo tipa v kommunikativno-diskursivnom aspekte (na materiale Zvukovogo korpusa russkogo yazyka). Dis. ... kand. filol. nauk* [Oral Spontaneous Monologues of Different Types in Communicative-Discursive Aspect (based on the Speech Corpus of the Russian Language). Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2013. 277 p.
8. Cheng Ch. *Russkaya spontannaya rech' na nerodnom yazyke: analiz hezitatsii (na materiale russkoi rechi kitaitsev)* [Russian Spontaneous Speech in a Foreign Language: The Analysis of Hesitations (based on the Russian Speech of the Chinese)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya — Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology.* 2016a. No. 1 (33). Pp. 53–62.
9. Levelt W. J. M. *Speaking: from Intention to Articulation.* Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989. 547 p.